

Столица района

На похож Астаны на столицу района! Приезжают, к примеру, в районный центр Татарской АССР, Астаны, колхозники из «Уржак» — трактористы, бригады или сам председатель колхоза, депутат Верховного Совета СССР Закир Габдуллин. Культурно и зажиточно живут люди в колхозе «Уржак». Построили электростанцию, клуб, радиофицировали село, есть хорошая библиотека, книжный магазин... Но хочется жить еще лучше, еще культурнее. Хорошо бы, например, в своем колхозном клубе послушать квалифицированного лектора из района, посмотреть новый спектакль, получить из района книжные новинки.

Но из районного центра колхозники «Уржак» ничего этого не получают. А приезжая в Астаны, не могут, к сожалению, поучиться ни тому, как лучше наладить работу клуба, ни тому, как лучше организовать колхозную библиотеку или благоустроить родную деревню.

Нечего перенять членам передового колхоза в своем районном центре. Здесь не создано даже многое из того, что давно уже создано в колхозе. Около десяти лет никак не могут выстроить в Астане электростанцию. В районном Доме культуры — полуразрушенном холодном сарае — нередко показывают фильмы да устраивают танцульки. Библиотека теснится в маленьком, непригодном помещении.

В районных учреждениях — грязь, теснота, на улицах не лужи и аэражи, а кучи старого лежалого мусора. Даже баши приличной и той нет.

Пусть лучше из районного центра приезжают в «Уржак» учиться...

Нерадивые работники района, видимо, не понимают, что центр его должен быть его столицей. А столица района — это центр не только административный и хозяйственный, но и культурной, научной жизни, образец и пример для всего района.

Село Астаны расположено не так далеко от села Большая Черниговка, районного центра Куйбышевской области. И в Астане и в Большой Черниговке живут советские люди: инициативные, талантливые, нетерпящие к недостаткам. Почему же столь непохожа жизнь Астаны на жизнь Большой Черниговки?

Уже своим внешним видом Большая Черниговка агитирует население района за культуру, за чистоту, благоустройство. Красивые, опрятные дома, аллеи молодых тополей, электрические фонари на перекрестках чистых, мощеных улиц, сады, и на центральной площади белое здание с радомачетой — районный Дом культуры. Так выглядит столица Большой Черниговской области.

Дом культуры — центральное культурное учреждение района. Здесь ежедневно собираются сотни людей для того, чтобы отдохнуть или заниматься в кружках. Работа Дома культуры разнообразна и увлекательна: лекции и фотовыставки, конкурсы чтецов, спектакли и концерты коллективов художественной самодеятельности, комсомольско-молодежные вечера и летние утренники, выезды агитбригад в колхозы и культурное обслуживание односельчан, выходящих на «воскресники благоустройства».

В Советском Союзе тысячи районных центров: городов, поселков, сел. В одних есть заводы, институты, театры, в других — МТС, техникумы, клубы. Во всех — школы, Дома культуры, библиотеки, книжные магазины и т. д. У каждого районного центра свои особенности, свои возможности, но нет такого, где не было бы всего необходимого и достояния, чтобы стать подлинной столицей района.

Культурные силы, сосредоточенные в каждом районе, огромны. И там, где эти силы правильно используются, там же проявляется подлинно большевистская забота о культуре и быте советских людей, там районный центр — инициатор электрификации и школьного строительства, радиофикации и налаженного водоснабжения, организации спортивных и оздоровительных учреждений. Там пример районного центра наглядно показывает обязательность благоустройства для любого советского населенного пункта. Там люди живут широкой культурной столичной жизнью, там уничтожены все и всяческие черточки давно ушедшего провинциального быта.

Незамыслимы просторы нашей Родины. Но нет на них даже маленького места для провинции, для захолустья.

«Раньше было так: были в России провинции, межелье уны и захолустье. Где-то далеко были российские столицы — широкое, кишащее мировыми интересами... И здесь, как и во всем, Октябрьской революцией сделан невероятный сдвиг.

Мы даже не заметили, как наши провинциальные города стали столицами республик, федераций, как города стали центрами огромной революционной культуры и как Москва из второстепенных городов Европы стала центром мира».

Прошло двадцать семь лет с тех пор, как Владимир Маяковский написал эти строки. Это были годы колоссального, повального в истории движения вперед всей огромной страны, годы гигантских преобразований, совершенных нашим народом под руководством партии Ленина — Сталина. Но, к сожалению, не все еще наши районные центры стали «центрами огромной революционной культуры». Почему это происходит? Почему такие резкие контрасты между расположенными поблизости районными центрами?

Школа в Подолешье

Не только на Псковщине, но и далеко за пределами области славится Гдовский район своими певцами и музыкантами. Из рода в род передается здесь высокое мастерство исполнителей народных песен, виртуозов-баянщиков и гуслей.

Вместе с ростом культуры и благосостояния колхозников у гдовцев появились и новые, повышенные требования. Почему дети должны перенимать мастерство стариков только «на слух»? В конце 1948 года колхозники Подолешья подняли вопрос об открытии у них сельской семилетней музыкальной школы. Из разных городов приехали преподаватели, большую помощь оказали в организации школы сельский совет и правления близлежащих колхозов.

Впервые сыновья и внуки участников «Гдовской старины» (народного музыкального представления, созданного и постав-

ботников, где-то рядышком с бюрократизмом, халтурным отношением к делу и другими пережитками прошлого.

Если спросить у такого человека, почему в Астане много лет строят и никак не могут построить электростанцию, не могут привести в порядок Дом культуры, озеленить и замостить улицы, он тотчас же ответит:

«И так сойдет! Это же не в столице. Нам за Москвой не угнаться!»

Подобный ответ можно услышать и в селе Никифоровке, Тамбовской области, и в городе Переславля-Хмельницком, Киевской области, и в городе Картали, Челябинской области, и в других районных центрах — всюду, где отстают благоустройство и культура. Таким ответом прикрывают неуважение к советскому человеку, нежелание поработать для его блага. Актанские и карталинские руководители, направляя все свое внимание на решение хозяйственных задач, забывают о людях, считают удовлетворение высоких культурных и бытовых запросов своих сограждан делом второстепенным, необязательным. Никифоровские и переславские руководители подрывают крылья народной инициативы, гасят благородное стремление советских людей благоустроить свой город, сделать свою жизнь еще ярче, краше и культурнее.

Преенебрежение интересами и запросами своих сограждан, небезывестный подход к культуре и быту («и так сойдет, мы не Москва!») приводит к уродливым и диким для нашего времени явлениям.

«И так сойдет», — решили «отцы города» Вырицы, Ленинградской области, получив заведующим районным Домом культуры по совместительству... сторожу хлебопекарни. «И так сойдет», — решили в городе Картали, застраивая сараем центральные улицы...

Можно ли представить себе, чтобы хороший патристический поэт в промышленности или сельском хозяйстве не получил широкого распространения, не стал достоянием всех? Нет, так не бывает. А вот благородные патристические начинания в области культуры зачастую остаются достоянием одних только инициаторов.

В Голей Пристаней, Херсонской области, открыт колхозный университет. Голая Пристань стала университетским городом. А разве не под силу такое замечательное дело многим другим сельскохозяйственным районам? Ведь нет такого районного центра, в котором не было бы десятков и сотен людей больших знаний, богатого практического опыта.

В селе Каменка, Кировоградской области, Дом культуры регулярно проводит ставшие традиционными праздники песни. В них участвуют сотни людей. Но где в советской стране не любят хорошую песню? Нет такого места! Почему же инициатива Каменки не нашла широкого распространения в других районах?

В городе Новая Дача, Ленинградской области, силами населения, без привлечения государственных средств, создан Суворовский музей и создается парк культуры и отдыха. Замечательное начинание! Но разве не может каждый районный центр иметь свой музей? Разве есть в нашей стране хоть один район, которому нечем гордиться, которому нечего рассказать о своем прошлом, настоящем и будущем? Таких районов нет. Но районных музеев еще очень мало.

Многие, очень многие могут сделать талантливые, инициативные, любящие свое дело люди. А таких людей нам не занимать. Они есть всюду, в каждом советском городе, в каждом селе. Надо только заботиться об этих людях; возлагать и обучать в организационные формы их инициативу; пропагандировать и распространять опыт лучших.

Это — задача районных и областных организаций, задача районных и областных газет, кровное дело республиканских комитетов по делам культурно-просветительных учреждений.

«...последний советский правдивый, свободный от чужой капитализма, стонет головой выше любого зарубежного высокопоставленного чиновника...» — эти слова товарища Сталина объясняют причину того, что даже самый малый советский город неизмеримо богаче духовной жизнью, делами, культурой, неизмеримо сильнее любой капиталистической столицы.

Интересы Родины и народа, строящего коммунизм, ставшие личными интересами каждого гражданина Советского Союза, порождают радость и кипучую полноту, многогранность и осмысленность жизни всех советских людей, независимо от того, где именно, в каком населенном пункте они живут.

Любая географическая точка нашей необъятной Родины стала горной вершиной, с которой видна советскому человеку вся страна, виден весь мир.

И где бы ни трудился великий преобразователь мира — советский человек, всюду дело родного народа считает своим делом и великую цель — построение коммунизма — целью своей жизни. Коммунизм немалым безвозвратом культуры, без удовлетворения разнообразных и высоких потребностей человека. И советский человек закономерно стремится к тому, чтобы центр его района был и центром культуры, чтобы он шагал в ногу с великой Москвой.

Местными силами и показанного затем (в Москве) познакомились с «секретами» соффедром, нотной грамоты, со скрытыми возможностями различных инструментов.

Любопытен следующий факт. Когда в Подолешье открылась музыкальная школа, жители районного центра — старого русско-го города Гдова — попросили у областных организаций создания такой же школы у них. Но выполнить эту просьбу в прошлом году не представлялось возможным. И тогда село Подолешье взяло шефство над городом. В Гдове был открыт филиал Подолешской музыкальной школы. В нынешнем году филиал уже превратился в самостоятельную Гдовскую среднюю музыкальную школу.

М. ЛАНСКОЙ

ПСКОВ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 67 (2658)

Четверг, 10 августа 1950 г.

Цена 40 коп.

Новый этап борьбы за мир в Англии

Айвор МОНТЕГО

Сцена на площади Пикадилли, в центре Лондона. Несколько женщин и ветеран прошлой войны, увенчанные медалями, раздают листовки. Эти листовки осуждают американскую агрессию в Корее, протестуют против зверских бомбардировок корейских городов, зовут к борьбе за мир. Подписем арестовывают женщин и ветеранов, и суд на следующий день приговаривает их к штрафу за «оскорбительное поведение». Судья объясняет: центр Лондона — район, где больше всего бывает американских туристов, критика действий США в Корее может оскорбить их. За это нужно наказывать, особенно если мы хотим, чтобы американские туристы чувствовали себя в Англии приятно и тратили как можно больше своих долларов.

С другой стороны, Мосли и его фашисты маршируют по опустошенным бомбардировками районам восточного Лондона, беснуясь, выкрикивают фашистские лозунги, орут, что гитлеровские лагеря смерти пахнут хуже, чем там, где их истребили слишком много людей, а тем, кто их истребили слишком мало. И когда возмущенные рабочие бросаются на этих хулиганов, чтобы заткнуть им глотки, сильная полицейская охрана, любезно предоставляемая Мосли лейбористским министром внутренних дел Чарльзом Идом, арестовывает рабочих. Судья, приговаривая их к наказанию, заявляет в назидание, что им не следовало давать себя спровоцировать и что если бы не нравилась речь Мосли и его сторонников, они должны были уйти в сторону.

Это называется «равенством всех английских граждан перед законом», равенством, о котором мелкие карьеристы — члены лейбористского кабинета министров, с такой гордостью разглагольствуют по любому поводу и без всякого повода.

А вот другой пример «британского образа жизни», о котором тоже так любят говорить. В конце мая в Лондоне собралась сессия бюро Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Обсуждался вопрос о ходе кампании по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием. На пресс-конференции, созванной бюро, было объявлено, что собраны первые 100 миллионов подписей. Казалось бы, факт немаловажный. 42 представителя от различных газет и телеграфных агентств Англии присутствовали и на сессии и на пресс-конференции. Но все, что появилось по этому вопросу в английской печати (не считая, конечно, «Дейли уоркер»), — это маленькая заметка в «Таймс» (хотя о 100 миллионах подписей и эта газета также умалчивает).

В связи с сессией бюро в Лондоне состоялся большой митинг. На этом митинге ораторы отмечали то обстоятельство, что в Англии сотни тысяч человек уже подписали Воззвание и что собрано около 1000 фунтов стерлингов в пользу Международного фонда защиты мира. Здесь выступили представители других стран. Даже полицейские «эксперты» признавали, что митинг собрал более 20.000 человек. Но четыре крупнейшие в стране газеты («Таймс», «Дейли телеграф энд морнинг пост», «Ньюс кроникл» и «Грэфик») не опубликовали ни словом об этом собрании. Несколько газет упоминали о «двух- или трехтысячном» митинге сторонников мира (в одной газете даже было сказано, что присутствовало «несколько сот»). Ни одна газета не привела ни слова из того, что говорили на митинге делегаты СССР, Китая и Всемирной Федерации профсоюзов. Не было указано даже, что они вообще там присутствовали. Это называется «свободой печати».

И говорю это для того, чтобы показать, в каких трудных условиях приходится вести кампанию борьбы за мир в Англии. И тем не менее, сторонники мира одерживают большие победы. Все более и более широкие слои общества задумываются над проблемой защиты мира. Борцы за мир собирают все больше и больше подписей против атомной бомбы.

Эти победы приходят в тяжелой борьбе сначала против бойкота и замалчивания, теперь против клеветы. Изю дня в день капиталистическая печать, радио распространяют ложь о Советском Союзе и странах народной демократии, трубят об «агрессивных намерениях» русских и о неизбежности новой войны.

Средства информации наглухо закрыты для всякого объективного мнения. Когда из Советского Союза вернулась недавно делегация простых английских рабочих, «рабочая» газета «Дейли геральд» постаралась не пропустить на свои колонки рассказов очевидцев. Зато как раз в это время газета начала печатать серию пахнущих клеветническими статьями о Советском Союзе, почерпнутых из американских источников.

«Дейли уоркер», имеющая сотысячный тираж, официально не запрещена. Когда по распространению печати не отказываются ее принимать, и нет законов, запрещающих ее продажу. Ведь у нас существует «свобода печати». Они распространяют «Дейли уоркер» по жилищным пачкам экземпляров. Они не отказываются пускать ее в продажу, но делают так, что ее всегда очень трудно достать! Они не выставляют ее напоказ и, конечно, уж не рекламируют. Покупатель, спрашивающий «Дейли уоркер», обычно получает ответ: «К сожалению, вся продана».

Точно в таком же положении находятся и другие издания, выступающие за мир. Таким образом, многие в Англии еще до сих пор остаются в неведении насчет борьбы против войны и ее истинного значения. Они иногда даже не сознают того, что факты скрываются и замалчиваются. Распространение правдивой информации почти исключительно зависит теперь от самоотверженного поведения рабочих и служащих,

передающих из рук в руки листовки и брошюры у себя на предприятиях и в учреждениях.

Так и ведется в Англии кампания по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием. И как ни изощряется клеветническая пропаганда, народные массы остаются при своем: они хотят мира. Наша задача — прийти к ним, найти с ними общий язык, преодолеть в них настроения, навеянные пропагандой поджигателей войны, уничтожить представление о том, что нельзя ничего сделать для предотвращения войны, что простой человек бессилен и что ему остается только ждать неизбежного конфликта.

Английский комитет защиты мира начал работать, обладая небольшими средствами, но его деятельность быстро нашла мощный отклик в стране. Кампания борьбы за мир в Англии приняла форму послания в парламент петиций с требованием выступить в поддержку Стокгольмского Воззвания. Каждый бланк такой петиции рассчитан на 15 подписей. Уже роздано 750.000 таких бланков. Число подписей на уже вернувшихся в комитет бланках близится к миллиону. Продано также около полумиллиона листовок и иллюстрированных брошюр. Дети собирают подписи в школах. На предприятиях, на рынках, у станций метро, на стадионах, по праздничным дням в приемных у врачей и у церкви, даже около баз американских бомбардировщиков устанавливаются стенды для сбора подписей. В шахтерских поселках сборщики подписей обходят квартиры, не пропускают ни одной двери. Демонстранты разбрасывают листовки, как это было в северной Англии на приеме в честь Монтегомери илн в Лондоне во время визита Ачесона, когда английские матери вышли ему навстречу с плакатами: «Наши сыновья — не для экспорта», и даже в палате общин во время происшедших там недавно дебатов по вопросу о Корее.

В июле по всей Англии проводилась «неделя мира», которая знаменовала усиление борьбы за мир, а также прошла национальная конференция в поддержку Стокгольмского Воззвания.

Вия успехов борцов за мир, поджигатели войны переходят от бойкота и полного замалчивания фактов к лобовым атакам. Характерно, что с этими атаками против сторонников мира первыми выступили секретари лейбористской партии Морган Филлипс и секретарь конгресса традиционных Винсент Тьюсон. Они заявили, что Постоянный Комитет Всемирного конгресса сторонников мира, равно как и Английский комитет защиты мира, состоят из «русских агентов», из «коммунистов», преследующих цель дискредитировать лейбористов, чтобы помочь реакции. Однако они не осмелились даже обмолвиться о существовании петиций против атомной бомбы. Их позиция аналогична позиции Дж. Б. Пристли. Последний, в ответ на открытое письмо И. Эренбурга и на письмо Мак Джеймса Олдриджа и мое, в которых мы предлагали ему включиться в борьбу за мир, разразился всякими абсурдными выдумками и клеветнической бранью по адресу Советского Союза, а от ответа на прямо поставленный вопрос, подписит ли он Стокгольмское Воззвание, трусливо уклонился.

Но атаки лейбористских политиканов не могут остановить нашу борьбу. Аргумент противников, что борются за мир никто не должен только потому, что за него борются коммунисты, не кажется убедительным многотысячным массам простых людей, продолжающих живо откликаться на призывы сторонников мира. Поэтому следующим шагом, предпринятым лейбористской партией, было наложение официального запрета. В своем органе «Дейли геральд» лейбористы объявили, что членам лейбористской партии запрещается иметь дело с петициями мира. Несколько местных руководителей и рядовых лейбористов уже исключены из партии за участие в кампании сторонников мира. В частности, среди них можно назвать члена лейбористской организации в Бромли, однажды поужинавших вместе с редактором «Литературной газеты», когда он приезжал в Лондон в составе делегации Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира, посланной, чтобы передать английскому парламенту 5 пунктов римской резолюции Постоянного Комитета.

Уклоняясь от честного обсуждения содержания петиций и текста Стокгольмского Воззвания, люди, контролируемые капиталистической прессой, вместе с лидерами лейбористской партии называют кампанию за мир «заговором послушных Москве коммунистов», которые хотят возложить вину за провал переговоров о запрещении атомной бомбы на правительство США и Англию, хотя каждый знает, что именно эти последние и хотели ее запретить». А потом, одним духом, те же самые круты начинают шептаться (открыто они не смеют об этом заявлять), что тонку атомных вооружений нужно продолжать, ибо это, мол, единственный барьер против «советской агрессии», и что Стокгольмское Воззвание — это «первый важный шаг коммунистов на пути к завоеванию мирового господства».

Но шаг за шагом борцы за мир срывают маску с поджигателей войны.

Об успехе сторонников мира в Англии можно судить по тому факту, что проблема запрещения атомной бомбы стала волновать широкие круги. Многие ученые, да архиепископа, церковные ссызды, папифицистские организации мелкой буржуазии считают теперь своим долгом требовать запрещения атомной бомбы и обра-

щаются к правительству с предложениями обсудить этот вопрос заново. На конференциях труд-юношес, как только вносятся резолюция о запрещении бомбы, покорные лейбористскому правительству профсоюзные лидеры вынуждены лицемерить и придумывать всякие уловки. Прямо выступить против запрещения бомбы они осмеливаются редко, а прибегают к маневрированию, стараются обойти Стокгольмское Воззвание, заменить его каким-нибудь своим, иначе отредактированным предложением, чтобы в нем, папеперекор всякой логике, как-нибудь похитрее сосчитать несколько фраз против атомной бомбы с выражениями чувств «лояльности» прав

Город создан, но...

Редакция получила два письма. На одном из них указан обратный адрес: станция Каргалы, Южно-Уральской железной дороги; на другом: село Полтавка, Челябинской области. Письма написаны разными людьми. Но факты, сообщаемые читателями, очень сходны, а грустный вывод странно роднит оба письма:

— Нам обидно за свой город...

Редакция решила послать специального корреспондента по обратному адресу писем — на станцию Каргалы и в село Полтавку.

Оказалось, что авторы писем живут совсем рядом: встречаются в одном парке, покупают книги в одном книжном магазине, их дети родились в одном родильном доме и ходят в одну школу...

Большая железнодорожная станция Каргалы лежит на пути из Челябинска в Магнитогорск; рядом находится село Полтавка. Шесть лет назад железнодорожный поселок и село преобразованы в город Каргалы — центр Полтавского района.

Горожане с чувством гордости рассказывают о мощном железнодорожном узле — детской первой сталинской пятилетки, о росте своего благосостояния. С восхищением говорят о соседнем Магнитогорске, который делается все краше и краше, об асфальтированных улицах, парках и скверах областного центра Челябинска.

Но стоит заговорить с каргалинцем о его родном городе, как глаза собеседника тускнеют, а в голосе появляются нотки досады и раздражения.

В Каргалах очень мало зелени, хотя десятки тысяч рублей израсходованы на озеленение. В Каргалах нет тротуаров, мощеных улиц. Да что тротуары, вообще нет улиц в привычном нам представлении. Есть большие дома, неогороженные, расставленные без всякого плана.

Настолько не обидно место вокруг этих домов, настолько безащитно они построены, что, кажется, будто поставлены они здесь на время, а заселены людьми, которые только остановились на бивуак и уже собираются дальше в путь-дорогу.

Улицы Пушкина, Гитыных и Луки. Один ряд домов стоит к улице фасом, другой — тыльной стороной; на переднем плане — сараи.

Шоссеиный переулочек. Проехать по нему почти невозможно.

Улицы Провосения. Посреди дороги такие ухабы, что их надо обходить стороной.

А село Полтавка? Может быть, усилия местных руководителей направлены к тому, чтобы благоустроить ту часть нового города, где раньше было Полтавка? Ничего подобного. За шесть лет в Полтавке не сделан ни один тротуар, ни одна дорога не вымощена.

Как же так: ведь в каждом городском бюджете имеется специальная статья «Ремонт и строительство дорог»?

Есть эта статья расходов и в местном бюджете города Каргалы.

Статья-то есть, а деньги из года в год не освобождаются. Вся беда в том, что нет в Каргалах хозяина — рачительного и заботливого, беспокойного и настойчивого, который чувствовал бы себя ответственным за судьбу нового города.

Полтавский район — крупный сельскохозяйственный район. Естественно, что секретарь райкома партии тов. Назмудинов и председатель райисполкома тов. Брюховский значительную часть своего времени проводят в селах, много и настойчиво занимаются сельским хозяйством. Но это не дает им права закрывать глаза на плачевный пейзаж города, в котором они живут и работают.

Как т. Назмудинов и Брюховский считают своим делом только район, так и начальник отделения дорог тов. Иванов считает своим делом только железнодорожный узел. О благоустройстве пригородного района он не заботится.

Есть, конечно, в Каргалах горсовет (он подчинен райисполкому), при горсовете — коммунальщики и другие отделы. Но именно городской совет и вызывает, в первую очередь, законное недовольство жителей, их обиды и упреки. Именно о руководителях горсовета каргалинцы высказывают весьма невысказанное мнение.

Ограничимся несколькими фактами, показывающими «распорядительность» горсовета.

Однажды решили выстроить баню. Выстроили. А когда открыли, оказалось, что в баню идет... соленая вода.

Как-то пришла горсовету идея — заказать архитектурный план нового парка культуры и отдыха, хотя старый парк не так-то уж плох (если бы половину его территории не занимали огороды, старый парк мог бы стать хорошим местом отдыха горожан). Нет, ну хорошо новый! Запланировали за проект 32 тысячи рублей и положили его в сейф. Там он и лежит два года.

В городе имеется Дом культуры. С 1943 года в нем сменилось 13 директоров.

У железной дороги своя электростанция, у горсовета — деньги на озеленение, но многие улицы тонут во мраке...

Выходят в городе две газеты: одна — районная, вторая — железнодорожная. Но ни та, ни другая не интересуются городским хозяйством. В Каргалах два радиоузла, но ни один из них не используется, чтобы привлечь жителей к работам по благоустройству.

Нашим людям трудно подняться, жалуются председатели горсовета тов. Арамасев.

Жители любят свой город. И любовь эта действительная: каргалинцы не только хотят видеть его красивым и опрятным, они не раз проявляли готовность участвовать в благоустройстве. Когда строили плотину на реке Каргалы-Аят, помогало население. Хорошо помогало. А железнодорожники, те с большой охотой отработали по 16 часов на благоустройство города. Беда в том, что нет в Каргалах хозяина, и труд горожан подчас пропадает зря.

Да можно ли всерьез говорить об участии населения в благоустройстве, когда горкомхозовцы вводят поистине жалкое существование. Он распорядится единственной грузовой машиной; грейдером, катком, других дорожных механизмов и в помине нет.

Так и существуют рядом бывший поселок Каргалы и бывшее село Полтавка. Город создан, а города нет!

Кто же повинен в этом? Повинны прежде всего секретарь райкома партии тов. Назмудинов, председатель райисполкома тов. Брюховский, председатели горсовета тов. Арамасев, начальник отделения дорог тов. Иванов. Не хотят они объединить усилия, тянут в разные стороны. Райисполком не помогает горсовету, а отделение дорог попросту отмахивается...

А областные организации? Они ведь отлично знают о плачевном состоянии города Каргалы. Время от времени здесь появляются ответственные товарищи из Челябинска, высказывают грустную историю города, соображают его пейзаж, поздравляют — и уезжают.

— Нам обидно за свой город, — писали в редакцию жители Каргалов.

Вполне обоснованна эта обида. Вполне закономерно требование, чтобы появились, наконец, в Каргалах тротуары и дороги, чтобы город застраивался по единому архитектурному плану. Жители настаивают, чтобы соорудили пешеходный мост через линию железной дороги, чтобы все улицы были освещены. И жители готовы помочь этому, помочь своим трудом.

Они ждут того часа, когда смогут в письме в редакцию, подписывая обратный адрес, перед словом «Каргалы» с полным правом писать: город.

КАРГАЛЫ,
Челябинской области

Вдали от жизни и от науки

Научно-популярный журнал «Наука и жизнь» был создан в 1934 году по предложению А. М. Горького. Определяя задачи нового журнала, Алексей Максимович писал: «Мы дали нашему журналу название «Наука и жизнь» и хотим этим сказать, что целью журнала будет ознакомление читателей с наукой как с оружием перестройки жизни... в журнале мы прежде всего дадим место той науке, которая освещает вопросы, важные для нашего мировоззрения и для текущей жизни».

В первые годы своего существования журнал «Наука и жизнь» сумел завоевать признание и симпатии широких читательских кругов. Он давал интересный познавательный материал по широкому кругу проблем современной науки и техники, способствовал формированию материалистического мировоззрения своих читателей. Однако чем дальше, тем больше отходили от горьковского напутствия. В январе 1948 г. «Наука и жизнь» стал органом Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Казалось бы, в системе общества журнал должен окрепнуть, подняться. Однако этого не случилось.

Журнал превратился в ведомственный орган. Это показывает хотя бы содержание седьмого и восьмого номеров его за 1949 г., — они заполнены стенографическими отчетами о выступлениях руководителей Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний и его местных организаций.

В последующих номерах под рубрикой «В помощь лектору» редакция помещала пространные конспекты лекций. В чем смысл такого рода публикаций — неизвестно. Ведь общество рассылает подобные конспекты всем своим отделениям, а кроме того, в больших тиражах издаст стенограммы публичных лекций.

Темы науки, «важные для нашего мировоззрения и для текущей жизни», занимают в журнале второстепенное место. В их освещении чувствуется отсутствие продуманного плана, очевидна случайность многих публикуемых материалов. Хотя довольно много статей в журнале посвящено агробиологии, но и при этом журнал не коснулся, например, столь важной проблемы, как видообразование, которое академик Т. Д. Лысенко назвал центральным вопросом теоретической биологии. Почти нет научно-популярных статей из конкретных тем, вытекающие из решения партии и правительства о трехлетнем плане развития животноводства, в то время как на основе мичуринской генетики в стране создаются новые высокопродуктивные породы сельскохозяйственных животных.

Последние годы ознаменовались рядом выдающихся успехов советской науки. Многие работы советских ученых удостоены Сталинской премии. Между тем это почти не нашло отражения в журнале «Наука и жизнь».

В течение 1949 и 1950 года совсем не освещались в журнале достижения советской геологии, геохимии, геофизики, гидрологии и географии. Не публиковались редакция журнала новыми исследованиями и открытиями, которыми обогатили науку многочисленные экспедиции Академии наук СССР, ее филиалы, институты, секции, а также республиканские академии наук, как не поинтересовалась она и выдающимися достижениями советской техники, в частности в электромашиностроении, автоматизации производства, нефтедобыче, судостроении, транспортном машиностроении и т. д. Журнал ушел в сторону от требований жизни, от самого существенного в развитии советской науки — внедрения ее достижений в производственную практику.

Вместо этого большую часть журнала редакция заполняет мало интересной для еще к тому же запоздалой ведомственной информацией и столь же запоздалыми статьями к различным историческим да-

там. Указания партии о борьбе за большевистскую идейность в науке, об углублении пропаганды научных знаний в журнале «Наука и жизнь» выполняются неумело и формально. Не нашли отражения в нем и напряженная идеологическая борьба, ведущаяся в области физики, химии, медицины, и победа материалистической науки над идеалистическими лженаучными построениями.

Отдельные статьи на научные темы написаны сухо, а часто невразумительно и неряшливо. Так, например, во втором номере журнала за 1949 год напечатана статья А. Векслера «Мичуринское преобразование советских субтропиков», об авторе которой можно сказать, что он, повидимому, обладает такой же агрономической эрудицией, как и увеселительный Марком Твеном редактор сельскохозяйственной газеты. Упомянув в этой статье А. Векслера, преподнесший читателю необыкновенные открытия, среди которых — даже новый источник тепловой энергии! «Установлено», — пишет он, — что стена (?) излучает тепловые лучи (!) и таким образом в период заморозков повышает температуру растений (!) и предохраняет их от обмерзания». Наряду с этим автор сообщает «новости», уже устаревшие на 10—15 лет, чем вводит в заблуждение читателей.

В пятом номере журнала за 1949 год напечатана статья В. Шлямина «Электрические явления в горах». Она абстрактно описывает грозовые эффекты, не содержит никаких прикладных сведений и не дает полезных обобщений и выводов. Подобные статьи, к сожалению, — не исключение.

Но даже и в тех материалах, которые по праву печатаются в журнале, отсутствие редакторского глаза, невзыскательность редакции к стилю и языку статей, перегрузка их профессиональной терминологией затуманивают смысл. Что хотели, например, выразить авторы статьи «Горжесте мичуринских идей» А. Пучков и И. Подойский в фразе: «Многие работники зоотехнической науки смешивали все формы племенной работы и требовали от колхозно-товарных ферм пользования продуктивной скотом таких форм племенной работы, какие необходимы лишь в племенных хозяйствах»?

На страницах журнала появлялись и ценные статьи, такие, как статья проф. М. Чижевского «Гравитационная система земледелия», проф. А. Максимова «Генетическое производство Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и другие.

Но появление отдельных научных работ лишь подчеркивает идейную несобранность и отсутствие целеустремленности, характерные для журнала в его нынешнем состоянии.

Журнал имеет большие возможности помогать науке, вооружать ее достижениями широкой массы народа, способствовать плодотворному содружеству науки и практики. Следовательно во введении в нем отдела, в котором наряду со статьями выдающихся практиков-новаторов промышленности и сельского хозяйства печатались бы статьи ученых, дающие научно-теоретическое обоснование и обобщение достижений практиков и, в свою очередь, сообщаемые необходимые и полезные сведения практикам. Постоянный отдел перепишет ученых с читателями помог бы крепить и углублять плодотворную связь ученых и практиков. Журнал много выиграл бы в глазах читателя, если бы давал регулярную и разнообразную информацию о жизни научных учреждений нашей страны, о новых трудах наших ученых.

Редакции необходимо также покончить с систематическим запозданием выхода журнала. В 1949 году он выходил в среднем за 2 месяца. В 1950 году дело обстоит еще хуже.

Разбужившиеся коллеги

Критика подобна свежему ветру, который, вырываясь в окна учреждения, очищает застоявшийся воздух. Некоторые, однако, втайне считают его стихийным бедствием, бурей, способной не только надломить, но и опрокинуть авторитет. Находятся и такие, которые всесильно обороняются от критики, а то и переходят в решительное контрнаступление...

Когда кинескопский санаторий имени Красных партизан был раскритикован в местной газете «Советская здравница», главный врач санатория Н. П. Румянцев почти вдохновенно говорил своему пациенту, оказавшемуся автором этой статьи, что большим гипертонией занимается критикой абсолютно противоположно... А когда гатчинская районная газета подвергла критике беспорядки в совхозе «Тайцы», его директор М. И. Игонин сочинил опровержение, в котором обрушил на редакцию поток всех доступных ему ругательств.

Но это, так сказать, топорная работа, открытое единообразие с критикой. Совсем иначе поставлено дело в одном из ленинградских институтов, который возглавляет Д. П. Чехматов. Здесь все поставлено на широкую ногу, и, если кто-то рискнул сделать критическое замечание в адрес директора, Д. П. Чехматов скромно отступил в тень, предоставляя Ученому совету ошутить это прискорбное происшествие. Он указывает членам Ученого совета на критикующего:

— Судите его и воздайте ему по делам! И Ученый совет, грозно сдвинув брови, чинит суд над тем, кто посягнул на незыблемость директорского авторитета.

Вина профессора Ю. И. Горюховского заключалась в том, что во время одного из заседаний он подал председателю Ученого совета Д. П. Чехматову записку, в которой выражал свое недовольство тем, что обсуждение вопроса о литературно-издательской деятельности института было сокращено. Больше того, он написал, что этот вопрос, имеющий государственную важность, оказался замаскированным.

Скомканно! И замаскировано! Главным ход заседания Ученого совета был нарушен. Скорбные морщины пересекли чело председателюствующего. В зале водворилась зловещая тишина. Чехматов прочитал записку и, покосившись на председателя кресла, предложил занять его одному из ближайших коллег.

— Я прошу членов совета высказаться, — мрачно произнес Д. П. Чехматов. — Может быть, действительно (в тоне послышалась нотка иронии) замаскирован вопрос государственной важности и уважаемый (проничаская нотка стала вполне уловимой) Юрий Николаевич попал под перекрывающую мне это обморок...

Присутствующие с укоризной посмотрели на автора записки. Прения открыл Е. П. Каревский.

— Что произошло сейчас на наших глазах? — неголовало произнес он. — Юрий Николаевич позволил себе обвинить председателя Ученого совета в том, что он... мне просто невольно говорить... за-ма-зы-ва-ет вопрос государственного значения. Поэтому мы должны совершенно ясно и четко определить: согласны или не согласны члены Ученого совета с тем, что будто бы наш уважаемый председатель, извините, коллеги, замаскирует, как позволил себе выразиться профессор Горюховский, государственное дело... Предлагаю решить этот

вопрос поименным голосованием. Дмитрий Павлович — председатель Ученого совета, директор института, а тут такие выражения... Я кончил.

Оратор энергично поддержал его коллега Л. Н. Гасковский.

— У Юрия Николаевича была полная возможность выразить свой протест другим образом. Записку Горюховского я считал его ошибкой!

Прения разгорались. Изредка раздавался голос Чехматова, подливая коллегам очередную порцию масла в огонь.

— Прощу членов Ученого совета высказываться. Это вопрос сличного принципиальный...

Наконец, не выдержав столь бурной словесной атаки, поднялся сам профессор Горюховский. В напряженной академической тишине он заявил, что берет свою записку обратно. Но как был он наивен, полагая, что это укротит разбужившихся коллег!

— Типичная полумера! — воскликнул Каревский. — Мы не можем согласиться на такой компромисс. Предлагаю, чтобы профессор Горюховский в присутствии членов Ученого совета обдумал редакцию нового заявления. Причем редакция должна быть четкой и ясной. Никаких «если» по существу и по форме!

На этом совпало и другие ораторы. Затем заседание было прервано на пять минут, в течение которых профессор Горюховский под осуждающими взглядами своих коллег сочинил второй вариант записки. Заседание возобновилось, и был торжественно оглашен новый документ.

Д. П. Чехматову. Прощу принять мои извинения за записку, которую я подал вам во время заседания. Я писал ее, руководствуясь желанием обратить ваше внимание на необходимость продлить обсуждение важного вопроса, но сделал это в не тактичной форме...

Тут прения вихулились с новой, поистине неслыханной силой.

— Мне трудно передать свое впечатление, — с нервным придыханием говорил коллега К. Г. Куманин. — Тон самой записки мне не нравится. Это совершенно не то, чего мы ждали от Горюховского. Я считаю, что новая записка не разряжала создавшейся атмосферы! Она четко свидетельствует о том, что Горюховский остался при своем мнении...

И вот, в который уже раз поднимается неугомонный Каревский.

— У меня, — объявляет он, — есть следующая редакция решения Ученого совета: «Ученый совет считает, что заявление Горюховского не соответствует действительности по существу затронутого вопроса и является оскорбительным по форме, за что выражает Горюховскому порицание».

Один благодушно настроенный коллега предложил формулировать помятое: «Выразить глубокое сожаление по поводу заявления Горюховского...»

Куда там! Предложение было немедленно отвергнуто и зафиксировано решение Ученого совета:

«Выразить порицание!»

Так и закончилась академическая битва. Закончилась очередной победой Д. П. Чехматова на попрание борьбы с критикой.

Несколько подчас приходится ученым, склонным иметь по тем или иным вопросам свои собственные мнения, в той затхлой атмосфере, которую создали Д. П. Чехматов и его коллеги в стенах института.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ЯЛТИНСКАЯ ПИЛОРАМА»

«Много лет подряд задают здесь вопрос: так ли уж необходимо институту имени Горького иметь в Ялте приморский лагерь с прославленной пилорамой?»

Так писал о непорядках в Ялтинской кинофабрике в фельетоне «Ялтинская пилорама», опубликованном в номере 60 «Литературной газеты», писатель П. Павликов. Оказывается, ялтинская база нужна Московской киностудии по производству художественных фильмов им. М. Горького.

Директор киностудии В. Агеев подтвердил правильность фактов, изложенных в фельетоне, и сообщил редакции, что в течение этого года будут приняты меры к загрузке ялтинской фабрики основной работой.

Киностудией выделены средства на восстановление кинолаборатории и электроподстанции, в Ялту отпущены запасные части и материалы, необходимые для восстановления этих цехов.

Виктор НЕКРАСОВ,
специальный корреспондент
«Литер

Д. И. Менделеев о дружбе с китайским народом

—

П. КРАЙНОВ
Обзор военных действий в Корее

«Наступил самый тяжелый момент со времени начала войны», — так описывает положение войск американских интервентов на корейском фронте корреспондент английской газеты «Дейли телеграф энд Морнинг пост», сообщая о прорыве американской линии обороны на реке Нактонган.

Создав предместные укрепления на левом берегу реки Нактонган, в ее верхней части, танки и пехота Народной армии устремились на юг и юго-восток. Они успешно ломают оборону американцев и освобождают новые города и села в юго-восточной части страны. После занятия Гун-и. Народная армия приблизилась непосредственно к Тэгу — городу, являющемуся «ключом» к Пусану — главной базе интервентов в Корее. По сообщению главного командования Народной армии Корейской народно-демократической республики, в боях южнее Гун-и взято в плен много солдат и офицеров противника. Уничтожены железнодорожные составы с продовольствием, горючим, снарядами для 105-миллиметровых орудий и другим снаряжением.

Река Нактонган форсирована и с западу от Тэгу, в районе, где она выходит из горных ущелий в широкую котловину, занятую рисовыми полями. Это — наиболее населенный район Кореи. На один километр здесь приходится около 200 жителей. Склоны окружающих гор покрыты густыми лесами и фруктовыми садами.

Удары по американской обороне наносятся также и в южной излучине реки Нактонган. Корреспондент агентства Юнайтед пресс Беннихофф сообщает, что наступающие части Народной армии совершили прыжок через Нактонган в 40 км к югу от Тэгу. «Северокорейцы», — пишет он, — в настоящее время форсируют реку Нактонган на всем протяжении...» Он подчеркивает, что наступающие части угрожают американской линии снабжения Тэгу — Пусан.

Попытки американских войск контратаковать Народную армию восточнее Чинчжу окончились провалом. Касаясь положения на этом участке фронта, парижское радио отмечало: «Американское наступление в южном секторе было приостановлено...»

7 августа американцы вновь предприняли здесь контратаку, но безуспешно. Токийский корреспондент агентства Франс пресс передает: «День 7 августа был днем разочарования. Наступление на юге Ко-

Американские военнопленные в г. Пхеньяне

В. АРЦИМОВИЧ

Книги польских стахановцев

«По улицам Лодзи еще катились стальной поток танков, орудий и бронемашин, преследующий разгромленного врага, а у ворот фабрики Горака уже собрались первые рабочие. Это было 9 февраля 1945 года. Ветер мел нам в лицо колючую снежную пыль, рухнул стыл на морозе.

Пованчик посмотрел на меня, а я на него. Мы улыбнулись друг другу. Кто-то неподалеку весело закричал:

— Ну вот, полетели гады ко всем чертям! Теперь эта фабрика наша, а?

— Наша!

— Но, товарищи, если она наша, так мы должны о ней позаботиться. Верно я говорю?..

И мы принялись за работу. Было нас очень мало. Большинство фабричного коллектива разбегалось, не вернувшись еще из концентрационных лагерей, а некоторые погибли. Мы создали временный фабричный комитет. Новоявленного председателя, Новоякового избрали председателем. И с этого дня, с утра и до поздней ночи, трудились мы на своей фабрике, восстанавливая и пуская в ход машины за станком...»

Эти строки мы читаем в книге «Мой большой день» лодзиской стахановки-тепличницы Ванды Госьминьской, награжденной орденом Строителя Народной Польши.

Так поступали и в памятные дни и паровозостроители. Познани, и шахтеры Домбровского бассейна и Сленска, и бумажники Милкова, словом, все польские рабочие, почувствовавшие себя хозяевами фабрик, заводов, шахт, электростанций. Часто с опасностью для жизни они приходили на свои предприятия, минированные врагом, восстанавливали машины и сразу же приступали к работе, стремясь помочь Советской Армии и Польскому войску в их освободительном походе на запад.

Трудящиеся Польши не ошибались, называя фабрики и заводы, где раньше хо-

рею — первое с начала войны, в котором участвовала знаменитая морская пехота, — было остановлено в трех километрах от исходных позиций». Корреспондент указывает, что действующие на этом направлении части Народной армии заранее знали, где и когда начнется наступление. Едва, говорит он, это наступление развернулось, как корейская артиллерия атаковала левый американский фланг, а партизаны перерезали телефонные провода, дезорганизуя сообщение между отдельными частями.

Поступают также сообщения об ожесточенном сражении на восточном побережье, где кроме американской пехоты в боях участвуют военные корабли интервентов и лисымазовские войска. Освободив здесь город Чхонсон в 30 км западнее порта Пондок, Народная армия разгромила так называемую Сеулскую дивизию лисымазовцев. Захвачено много пленников, взяты большие трофеи. Агентство Франс пресс приходит к выводу, что эта операция ставит под угрозу окружения американско-лиссымазовские части, действующие в секторе Пондок—Чхонхан. По данным корреспондента агентства Ассошиэйтед пресс, наступающие части Народной армии и корейские партизаны находятся в 7—8 км от Пхохана.

На корейский фронт, как передает лондонское радио, продолжают прибывать новые американские подкрепления — танки и войска. И все же штаб Макартура, видимо, возлагает на них мало надежд. Представитель штаба заявляет: чтобы удержать теперешнюю линию фронта, требуется по крайней мере 22 дивизии.

В то же время, как это видно из комментариев американской печати, в Вашингтоне весьма недовольны «медлительностью и незначительностью помощи, предложенной» сателлитами США. Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» пишет, что эта помощь «сухопутными войсками настолько мала, по сравнению с масштабами задач, стоящих в Корее, что трудности, связанные со снабжением, снабжением армии, использованием различного вооружения и обученной различным методам и тактике, вероятно, не окупятся незначительным увеличением сил».

Журнал «Юнайтед стейтс пью энд Ордри рипорт» вынужден признать, что расчеты США на «блицкриг» в Корее рухнули.

По страницам китайских журналов

ВСТРЕЧА С НАРОДОМ

«Всю прошлую жизнь я чувствовал себя, как в открытом море... Этим словами профессор истории пекинского университета Пинхуа Лэй Хай-цзун начинает свое письмо, присланное им в журнал «Женьмишчжунго» («Народный Китай»).

Жизнь в уединении при университетах, как правило, удаленных от городов, без связи с народом, была уделом ученых в старом Китае. Многие свыклись с этим положением, считали его в порядке вещей. Так думал и профессор Лэй.

«...Я, — продолжает он, — никогда не задумывался над тем, что дрейфую бесцельно и что моя академическая исследовательская работа, проводимая лишь ради работы, была бесполезной. Не приди освобождение, вся моя жизнь оказалась бы прожитой бесцельно, и, что хуже всего, я бы продолжал пребывать в состоянии самодовольства и удовлетворения».

Лэй Хай-цзун написал это откровенное и честное письмо после возвращения из поездки в деревню. Он был среди 800 профессоров и студентов пекинских высших учебных заведений, которые провели свои каникулы, помогая крестьянам проводить земельную реформу. Отряд столичной интеллигенции вел культурно-политическую работу более чем в ста прилегающих к Пекину деревнях, разъяснял крестьянам аграрную политику народного правительства, практически помогал им осуществить справедливое распределение земли и сельскохозяйственных орудий, руководил кружками по ликвидации неграмотности, устраивал вечера самодеятельности.

Встреча с народом, близкое знакомство с его пугами и чаяниями взволновали старого профессора. Возвращенным вернулся он из деревни, «Я вступил в новую общественную жизнь», — торжественно заканчивает он свое письмо.

К подобному открытию пришел не один Лэй Хай-цзун. Профессор того же университета Фан Ю-лан, участвовавший в этой поездке, работал в деревне близ исторического Люкоуцзяо (мост Мако Поло), где в 1937 году раздался выстрел, вызвавший подъем национально-освободительной борьбы китайского народа.

За время, которое он провел в этой деревне, перед его глазами, казалось, прошла сама история — от памятного выстрела до великой победы, в результате которой стала возможной справедливость на китайской земле. И вот теперь он, профессор Фан Ю-лан, участвует в установлении этой справедливости, помогает крестьянам распределить землю, принадлежащую раньше трем эксплуататорам. Конфискованными у них сельскохозяйственными орудиями были обеспечены 209 семей.

Профессор видел радость на лицах крестьян и, возвратившись в Пекин, написал на страницах журнала «Наука»: «Китайский пролетариат помогает крестьянству разрушить феодальную систему, которая существовала более 2000 лет. Это является наиболее существенной частью китайской революции. Участие в земельной реформе, а также присоединении к китайской революции».

Так, встречаясь с жизнью, с народом помогают китайским ученым старой формации выйти на широкую дорогу творческой общественной и научной деятельности.

Центральное народное правительство Китая создает для этого все необходимые условия. В прошлом году была учреждена Академия наук Китая, имеющая ряд научно-исследовательских институтов. Между академией и учреждениями, занимающимися хозяйственным строительством, устанавливаются тесные связи.

Расширяются связи между учеными и трудящимися. При министерстве культуры существует специальный бюро по популяризации научных знаний среди рабочих и крестьян.

Ученые Китая твердо встают на службу миру, свободе и процветанию родной страны.

Четыре книжки из серии «Библиотечка передовиков труда», издаваемой в Польше для пропаганды передового опыта новаторов производства.

промышленности, но познакомиться с ней было у меня не было возможности... Когда я прочел его брошюру, то оказалось, что система Матросова была совсем простой, такой простой, какими бывают самые гениальные изобретения...»

Применяя эту систему, В. Гитжиковский и его товарищи вскоре добились замечательных успехов — они стали в несколько раз превышать норму и значительно экономить материалы.

Шахтер-стахановец Франшишек Априас в брошюре «Моя жизнь и мой труд» рассказывает, как по-новому осмыслил он значение стахановского труда в условиях народно-демократического строя:

«Когда в 1945 году я начал работать на шахте «Соснича», то стал понимать Стаханова. Я смотрел на шахту и думал: это наша шахта! Я смотрел на уголь, который поднимали на-гора, и думал: это мой уголь, наш уголь, для наших фабрик, наших паровозов, нашей промышленности!»

В чем вина человека, которому американские жандармы выкручивают руки? В чем повинен этот юноша — жертва униженного издевательства, которого ведут по улицам Нью-Йорка за галстук, как за ошейник?

На публикуемых нами фотографиях запечатлены отдельные эпизоды жестокой расправы, учиненной трумэнговскими молодчиками, с участниками демонстрации, состоявшейся недавно на Фоллс-сквер в Нью-Йорке. Полицией с нескрываемой ненавистью и яростью

Энтон Синклер «кается»

Энтон Синклер представляет собой ныне незабываемый экземпляр «кающегося грешника». В своем стремлении услужить поджигателям войны он отрекается публично не только от своих прежних взглядов, поскольку на Уолл-стрите с переносу их косяком мог принять в свое время за «крадильные». Он также предаст анафеме свои ранние произведения, если только они не воспевают «американский образ жизни».

Об этом не так давно заявил сам Энтон Синклер представителю «Голоса Америки», когда тот пожелал узнать, как относится автор к своей книге «Джунгли».

Энтон Синклер сразу угадал, что именно от него требуется, и без всяких колебаний пошел на публичное покаяние. Он заявил, что, мол, теперь положение рабочих в Америке не является таким тяжелым, как в годы появления «Джунглей», и потому он весьма сожалеет, что коммунисты при помощи его книги обрисовывают современное положение в США.

Напрасно волнуется г. Синклер. О положении рабочего класса Америки в наши дни мы судим не по его произведениям, а по живой действительности, по фактам, ежедневно приносимым нам телеграфом, по зверским антирабочим законам, лишившим трудящихся даже тех микроскопических, какими они пользовались в годы появления «Джунглей», по тем расправам, каким подвергаются сейчас сторонники мира, по тем гнусным протестам, какие вызывает в массах террор власти имущих. Наконец, о положении рабочего класса мы получаем представление из выступлений и книг Альберта Мальта, Говарда Фаста и других прогрессивных писателей США. Именно поэтому передовых американских писателей и бросают в тюрьмы, а к Энтону Синклеру почтительно обращаются за интервью представители радио-клоаки, именуемой «Голосом Америки».

Так что опасения Энтон Синклера, которыми вызвано его поспешное покаяние, безосновательны.

С. РОЗВАЛ

набросились на учащихся нью-йоркских колледжей, принимавших участие в демонстрации; сотни блюстителей «трумэнского порядка» кулаками и дубинками избивали юношей, с садистским восторгом били по лицу девушек и детей, бросали в полицейские машины десятки невинных людей.

С точки зрения правителей современной Америки, юные демонстранты совершили «преступление» — они осмелились потребовать увеличения заработной платы для своих преподавателей.

Янки в Японии

Здесь, в Токио, очень хорошо видно, как агрессия американских империалистов в Корее ведет к дальнейшему усилению милитаризации Японии.

В ближайшем время общая численность американских войск на японских островах будет доведена до 230 тысяч человек. Окупационные власти США, намереваясь расположиться здесь всерьез и надолго, ведут массовое строительство для размещения войск. Еще в феврале 1950 года штаб Макартура приказал японскому правительству принять меры к строительству помещений для американской армии.

Это не первый такой приказ Макартура. В Японии уже построено несколько десятков больших военных поселков в разных городах. Они носят чисто американские названия. В Токио есть большой поселок, именуемый «Вашингтон», в Нагасаки — поселок «Литтл Америка», что означает — «маленькая Америка», и т. д. На строительство всех этих «Вашингтонов» и «маленьких Америк» расходуется огромные средства, полученные путем ограбления японских налогоплательщиков.

В то же время сами японские трудящиеся испытывают очень сильную нужду в жилищах. Японский буржуазный журнал «Ориентал эконемист» сообщал не так давно, что в настоящее время в Японии нехватает 3 700 000 домов и что для их постройки необходимо по крайней мере 740 миллиардов иен. Однако в японском бюджете на 1950/51 г. предусматривается на строительство жилищ для трудящихся менее одного процента общей суммы расходов. Следовательно, если и вопреки правительству Носиды будет так же «забыт» о строительстве домов для трудящихся, то нехватка жилищ сможет быть ликвидирована едва ли не через 150 лет!

Янки стремятся американизировать в

В то время как американские милитаристы расходуют миллиарды долларов на вооружение, на развязывание новой мировой войны, требованию выделить дополнительные ассигнования на расширение образования, на улучшение условий жизни интеллигенции в стране представляется заоканским атомщикам чистым кошмаром.

Расправа на Фоллс-сквер — один из многочисленных примеров «демократии доллара» в действии, одна из многих иллюстраций осуществления «свободы» в «линующих штатах».

Япония все, что возможно: экономит, бьет, культуру, общественную и политическую жизнь. На главной торговой улице Токио — Гинзе они даже соорудили «стату» свободы», совсем как в Нью-Йорке, только ростом пониже.

Гинза — центр черного рынка. Она знаменита высокими ценами на товары и безудержной спекуляцией. Когда в Японии хотят сказать, что цены на товары очень высокие, обычно говорят — «цены Гинзы». Для американцев Гинза стала излюбленным местом торговли, спекуляций и просто дебошей. Они разгуливают здесь группами и в одиночку. Нищие, безработные, инвалиды войны, рикши также бродят толпами по Гинзе, выпрашивая на кусок хлеба. И на весь этот мир купли-продажи, с одной стороны, и чудовищной нищеты — с другой, сейчас совершенно спокойно вывозят импортированная из-за океана «стату» свободы» американского образца!

По указанию штаба Макартура, в главных городах Японии для заокеанских спекулянтов открыты специальные магазины — так называемые экспортные базисы, где японские товары продаются по пониженным ценам. В таких магазинах целыми днями толкуются американцы — военные и штатские. Они закупают большие партии холстов, тканей и сразу же отправляют их на черный рынок. В Токио для удобства такой «экспортный базар» расположен на самой Гинзе. Заметим, кстати, что особенно рьяными спекулянтами, которым даже завидуют янки, оказались сотрудники так называемой гоминдановской «миссии», находящейся под покровительством Макартура.

Система «экспортных базисов» явилась еще одним вполне легальным и до беззастенчивости наглым методом ограбления японских трудящихся, вот уже пять лет несущих бремя американской оккупации.

В массах трудящихся все время растет нищета, неуклонно снижается жизненный уровень. По данным уже упомянувшегося буржуазного журнала «Ориентал эконемист» от 20 мая этого года, прожиточный минимум в Токио с 1946 по 1949 г. возрос почти в шесть раз. Такое же положение можно наблюдать и в других городах страны. Так на практике вылился пресловутая американская программа «стабилизации» экономики Японии.

Японский народ стойко сопротивляется превращению своей страны в колониальный прилавок Уолл-стрит и военно-стратегический плацдарм США.

Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы следующая заметка, появившаяся в токийской газете «Ниппон таймс»:

«В среду полиция была настолько ввину распространения в различных районах Токио обращения Всеяпонской федерации студенческих органов самоуправления, направленной против войны и в защиту всеобщего мира. Воззвание было адресовано трем высокопоставленным лицам США, находящимся в Токио. Написанного это обращение приказано арестовать, как нарушившего императорский указ № 311».

Петрудно понять, кого именно газета «Ниппон таймс» имела в виду, ссылаясь на «трех высокопоставленных американцев». Это — Джон Фостер Даллес, министр обороны США Джонсон и генерал Брэдли, которые как раз в то время прибыли в Японию для подготовки американской агрессии против корейского народа. Стремясь во что бы то ни стало выиграть оккупантов, лакей из «Ниппон таймс» поспешил уведомить читателей, что все те, кто борется в Японии за мир, карается «по указу императора». Не слышим ли мы маневр, по которому японские трудящиеся знают, что военный преступник Хирохито является лишь марионеткой в руках у американских оккупантов.

А. МОСКОВЦЕВ
ТОКИО. Август

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. ЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.
Адрес редакции и издательства: 2-й Обыденский пер., 14 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — Г 6-47-41, Г 6-31-40, отделы: литературы и искусства — Г 6-43-20, внутренней жизни — Г 6-47-20, международной жизни — Г 6-43-62, науки — Г 6-39-20, информации — Г 6-44-82, писем — Г 6-38-60, корреспондентской сети — Г 6-44-48, издательство — Г 6-45-45.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.